Бедные Розы



СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Амир Алиев

Бедные Розы (Сборник рассказов по роману Андреас Габри по прозвищу Эллин)

«Автор»
2026

Алиев А.

Бедные Розы (Сборник рассказов по роману Андреас Габри по прозвищу Эллин) / А. Алиев — «Автор», 2026

«Бедные розы» — сборник историй, открывающих новые грани мира романа «Андреас Габри по прозвищу Эллин».Новгородский купец Иван Шестаков поведает о странствиях, поисках богатства и необычном путешествии на корабле «Арго». Стефанос, привыкший встречать любые невзгоды шуткой и кружкой вина, неожиданно столкнётся с тем, перед чем его обычная бравада окажется бессильна. А история Мирабель Акасато приоткроет дверь в мир семейных распрей, жестоких договорённостей и мести, где даже самые близкие люди могут оказаться по разные стороны.Здесь найдётся место дружбе и предательству, любви и горечи, комедии и трагедии. Ведь за каждой историей стоят люди, которым, несмотря на кровь, потери и прожитые годы, всё ещё есть что терять.

© Алиев А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Расскажи мне про Каффу 5
Глава 1 Мой медвежонок 5
Глава 2 Арго 8
Глава 3 Это сделал не я! 11
Глава 4 Лежит на сердце тяжкий груз 13
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Бедные Розы (Сборник рассказов по роману Андреас Габри по прозвищу Эллин)

Расскажи мне про Каффу

Глава 1 Мой медвежонок

Охх, друг мой! Это длинная, но донельзя захватывающая история! Ты точно хочешь ее услышать?.. Да кого я обманываю — все хотели узнать о Каффе! Но то одно, то другое, сам понимаешь. Время, ох, время! Ни у кого нет его лишнего, чтобы тратить на старого купца да на его россказни. Но знаешь что? Если дослушаешь до конца, клянусь, не пожалеешь.

Ну, не буду затягивать. Итак!

Всё началось в прекрасном городе Каффе! Хотя, постой… Всё началось в славном граде Коринфе, куда меня волею судеб занесло после одного прелюбопытного путешествия из Кастилии. Если меня пощадишь, и рассказ тебе по нраву придется, может, поведаю и о ней. Так вот, не будем отвлекаться.

Коринф! Ах, славный град! Любил я его всем сердцем. Диковинные постройки, древняя слава, а уж купцов да менял — пруд пруди! Ах, сколько баек я там услыхал! А сколько всего повидал! Товарища в поединке на мечах зарубили? Не вопрос! Купца с дочерью порешили? Запросто! Странный чудак поит честной народ какой-то дрянью, от которой лютый дурман в голове и морок перед глазами? Да там каждый день такое!

Но я отвлекся. В этом-то славном граде и жил мой любимый медвежонок. Ах, Стефанос! Помню его красные щеки, синяки от вечных попоек, короткую стрижку, как у колючего ежа. И, конечно, его лук, который был больше него самого! Он не карлик, нет, но представь меня, только в два раза меньше. А теперь подели еще на два — и вот он, Стефанос!

Вывез он меня из неласковой Севильи и привел к своей хибаре. Домишко-то каменный, но, видит Бог, такой крохотный — в самый раз для гнома. И вот Стефанос мне и говорит, с эдаким намеком:

— Слушай, возможно, этот цветочек будет немного… зол.

Ну, я только плечами пожал и сходу ворвался внутрь.

И увидел её. Девушка. Маленькая, хрупкая… но такая злюка! Однако в тот миг она замерла, словно громом пораженная. Стефанос робко выглянул из-за моей спины, виновато улыбаясь.

Спросишь, откуда такой страх перед этой маленькой армянской чертовкой? Все просто! Этот юнец оставил её на несколько месяцев одну в Коринфе, а сам пошел меня вызволять — в саму Кастилию! За тридевять земель!

Я решил разогнать эту тягостную тишину по-своему, по-новгородски! Шагнул к ней. В её взгляде читался не то гнев, не то крайнее изумление, а скорее — и то, и другое разом. Ну, я подошел и как расцелую её в розовые губки! Крепко, по-отечески, и говорю: «Здравствуй, Маргарита!» Стефанос редко поминал её в пути, вот я и не запомнил её имени. Да и, скажу без утайки, не особо-то я давал Стефаносу слово молвить. Все-таки баек у меня больше, чем у кого бы то ни было!

И вот, после моего поцелуя, её брови грозно нахмурились, и она… как даст мне смачную пощечину! Ты думаешь, этот шрам на щеке — ожог? О нет! Это моя Розочка меня уколола!

«Никакая я тебе не Маргарита!» — крикнула она и убежала в слезах. Эхх, ох уж эти армяне да греки! Никогда не поймут добродушной новгородской души!

Стефаносу, конечно, это тоже не понравилось. Он прикусил губу и молча пошел успокаивать свою Розу. А я… я с легким вздохом развалился на первом попавшемся стуле. Я устроился поудобнее и заметил на столе грушу. Такую, понимаешь, большую, сочную, прямо глаз радовала! Устоять было невозможно. Взял, откусил — ммм! Сладкая, сахарная. Пока смаковал, заметил под фруктом смятый клочок бумаги. Чернила местами размазаны, но видно — стихи. Ах, любимая Розочка! Любит она свои стишочки.

Эх, вспомнил… Были времена, и я в Ливонии баллады сочинял. Многим нравилось, между прочим... Опять отвлекся.

Ну вот, от груши уже половинки не осталось, как вдруг дверь скрипнула, и на пороге — наша парочка. Розалия бросает на меня взгляд, потом на грушу в моей руке… и снова — в слезы! Оказывается, она с самого утра мечтала её съесть, берегла, как сокровище!

Девушка метнулась ко мне, словно разъяренная кошка, выхватила из-под моей руки тот самый стих и, вспыхнув, сунула его за пазуху. Затем бросила на меня взгляд, от которого, кажется, вянут цветы, и зашипела: «Сидите тут и ждите ужина!» — после чего гордо удалилась.

Стефанос, ах, мой добродушный мальчик, лишь тяжело вздохнул и присел рядом. И начал мне тихонько объяснять, мол, не серчай, у неё сейчас дни такие, особенные… У женщин, понимаешь ли, такое бывает.

Ах, женщины! Они ведь как цветы — такие разные, и все прекрасные по-своему! Ну, кроме ромашки. Как-то раз гадал на ней: «любит — не любит»… И ведь оказалось — не любит! А может, если б не та ромашка, признался бы я тогда той, дочке ганзейского купца… Но мы сейчас не о сердечных делах говорим.

И вот, слово за слово, Стефанос мне и напоминает, что за мной числится один небольшой, но святой должок. Мол, вытащил он меня из той переделки в Кастилии, шкурой за меня рисковал, так что теперь не до благородств — пора долги отдавать. Он мне — жизнь, а я ему — пиво. Звонкое серебро на бочку, так сказать!

Ах, пиво! Все любят пиво. Ну-ка, покажи мне хоть одного человека, который, раз попробовав настоящего хмельного напитка, от него бы отказался! Вот и Розалия…

Верю в Стефаноса, сумеет он её к доброму и светлому приучить.

Но мы отвлеклись. Итак, договорились мы со Стефаносом вот о чём: не могу же я, человек без гроша за душой да ещё и со званием королевского казнокрада, справную пивоварню открыть! Нужны деньги. И Стефанос, мой верный медвежонок, согласился их мне ссудить. А уж я-то как-нибудь да сварю для него свой волшебный напиток! Честное купеческое!

Ты хочешь узнать рецепт? Погоди-ка… Так ты ведь не пьешь! Вера, говорил, не велит.

…Что? Ничего ты не говорил? Ну, да ладно. Все равно этот рецепт знают только двое из ныне живущих. А под страхом мучительной смерти я его не открою никому! Так что даже не надейся, друг мой.

И вот, входит наша Розочка, неся скромный ужин — хлеб, сыр да маслины. Простую, но сытную пищу для нежданного гостя. А Стефанос, ехидно так ухмыляясь, тут же из-под лавки достает глиняный кувшин с вином. Розалия пронзила его взглядом, от которого, кажется, кровь стынет в жилах, но Стефанос лишь бодро напомнил: «С гостями, мол, можно!». Нечасто у них в доме появлялись гости, и на этот счет существовал свой, особый уговор.

Ах, уговоры! Помню, как-то раз договорился я с одним испанским идальго, что знаю новый путь в Индию, и если дать мне достаточно кораблей… Вижу, ты устал от моих отступлений. Что ж, история про новый свет до лучших времен.

Вечер выдался на диво славным. Вино было хоть и простым, но крепким, однако хмель меня так и не сморил — не припомню, когда в последний раз напивался до беспамятства. Хотя нет, помню! Но это уже… другая история.

В общем, Розалия вскоре удалилась почивать, а мы со Стефаносом продолжили неторопливо цедить вино. Засиделись далеко за полночь, даже когда на столе не осталось ни крошки.

И вот, мой пьяный Стефанос, с глазами, мутными, как рассол от маслин, поднял палец — мол, погодь малость. И пополз куда-то в темный угол комнаты. А я сидел и наблюдал, как его маленькая, нетвердая тень пляшет на стене в свете единственной свечи — настоящий медвежонок в балагане теней!

Вскоре он вернулся, сжимая в руках небольшой, но увесистый холщовый мешочек. С размаху швырнул его на стол, и тот с солидным, многообещающим грохотом угодил прямо между кувшином и хлебными крошками.

— Это… моя доля в твое пиво, — с торжественной важностью произнес он. — Бери. Вари.

Я, ясное дело, развязал шнурок и заглянул внутрь. Боже правый! Там лежало никак не меньше сорока дукатов! Сорока! Представляешь?

Я не сдержался. Схватил своего благодетеля на руки, поднял, как перышко, и крепко, по-отцовски, чмокнул прямо в губы! Он был слишком пьян, чтобы сопротивляться, лишь бормотал что-то невнятное:

— Тш-ш-ш… тише ты… Розалия услышит…

Когда я наконец отпустил его, он, пошатываясь, объявил, что пора, мол, на боковую. И тут нас ждала незадача. Кровать в лачуге была одна, и рассчитана на двоих. Однако я один занимал места, почитай, за двоих, а ведь там еще и Розалия спала!

Но изворотливый ум Стефаноса, подогретый вином, нашел выход! Он притащил два расшатанных стула и пристроил их сбоку от кровати, чтобы я, не дай Бог, не свалился ночью на пол. А сам, мой верный медвежонок, словно котенок, забрался сверху на меня, уткнувшись головой мне в грудь.

Я крепко обнял его, чувствуя под рукой косточки его худых плеч, и так мы, согретые вином и крепкой дружбой, провалились в сладкий сон.

Наутро я проснулся посреди кровати, но в моих объятьях был уже не медвежонок, а сама Розалия. Она спала, свернувшись калачиком и повернувшись ко мне спиной. Затаив дыхание, я убрал с нее свою тяжелую длань и, как мог бесшумно, поднялся.

И что же я увидел? На полу, укрытый лишь собственным плащом, похрапывал Стефанос. Я осторожно перешагнул через него и попятился к выходу, всем видом напоминая огромного медведя, крадущегося по лесу.

Утро выдалось свежим и сулило добрый день. Во дворе я отыскал заветную бочку с дождевой водой, откинул крышку и с наслаждением умылся, смывая с себя и пыль вчерашней дороги, и хмельной дурман недавнего веселья. И тут услышал за спиной тихие шаги.

Оборачиваюсь — мой медвежонок. Но не тот, вчерашний, пьяный и беззаботный, а какой-то понурый, с потухшим взором, лишенный всякого балагурства. Молча он протянул мне тот самый мешочек, который я сдуру позабыл в горнице.

— Уходи, — хрипло прошептал он, — пока Розалия не проснулась и не прознала про деньги.

Я взял мешочек. Тяжел он был — и не столько золотом да серебром, сколько горечью прощания. И я обнял Стефаноса. Обнял как в последний раз, чувствуя, как он на миг замер, а потом коротко, по-братски хлопнул меня по спине. И тут же, отстраняясь, пробурчал:

— И больше не зови меня медвежонком. Договорились? Странно это как-то.

Ну что ж, уговор дороже денег, подумал я. На прощание мы ударили по рукам, как подобает добрым купцам, скрепившим честную сделку: он мне — жизнь, я ему — пиво. И на этом наши пути разошлись.

Его — обратно, в дом, под град попреков и отборную греческую брань. А мой — на восток, в знойную, сулящую несметные барыши Каффу.

Глава 2 Арго

И вот, с печалью в сердце от прощания со своим… ну, со Стефаносом, я побрел в таверну «Дионис». Местечко, знаешь ли, самое что ни на есть портовое: несет дешевым кислым вином, соленым потом и клятвами, которые никто отроду не собирался исполнять. Собрались тут пьяницы корабельные, купцы помельче, наемники с тусклыми глазами да искатели удачи с пустыми кошелями. Одним словом — мой второй дом.

Подошел к стойке, смотрю — хозяин предлагает какое-то местное варево под названием «пиво». Я фыркнул. Какое же это пиво? Пить можно только одно — Новгородское! Остальное так, бурда для неразборчивых глоток.

Отвернувшись от стойки, я стал искать, с кем бы разделить компанию, а заодно и просветить темный местный люд насчет того, что такое доброе застолье. Приметил двух парней в черных плащах, с длинными мечами. Выглядели важно.

— Эй, други! — подсел я к их столу. — Хотите, расскажу про великий град Новгород? Про то, как мы…

Не успел я договорить, как один из них, глумливо скалясь, спросил, не слишком ли я много на себя взял, подсаживаясь к настоящим воинам. Второй добавил что-то колкое про «северных медведей». Их грубый смех зазвучал мне в ответ.

— Что ж, — пожал я плечами, поднимаясь, — первый блин комом. Бывает.

И направился к другому столику, где сидел одинокий мужчина лет пятидесяти. Приметный такой: острижен коротко, почти наголо, сам не толстый, но с солидным пивным брюшком. Одет был богато, но без лишней пестроты — одежда в дорогу шитая, запыленная, но добротная. Смотрел в свою глиняную кружку с видом великого мыслителя.

— Можно к тебе? — спросил я.

Он поднял на меня тяжелый взор. Взгляд начальственный, привыкший повелевать.

— Чего тебе? — рыкнул он грубоватым голосом.

— Собутыльника искал, — без утайки ответил я. — А погляжу — человек ты крутого нрава.

Мужчина фыркнул, но молча достал из-под стола походный бурдюк и налил мне в кружку темного, густого вина.

Я отпил.

— Недурственно. С дымком. Серьезное вино.

— Да, не то что пиво — пойло забулдыг да нищих студентов. Так говорил Георгиос Плифон.

Я аж задохнулся от обиды.

— Ты моего Новгородского не пробовал! Не смей даже сравнивать!

— А ты угости, тогда и сравню, — усмехнулся незнакомец.

— Непременно! — воскликнул я. — Как только поставлю свою варню!

— И где же ты варню свою ставить собрался? Здесь, в Коринфе?

— А почему бы и нет?

— Пустое, — отрезал мужчина. — Глупость. Лучшее место для твоего промысла — Каффа. Ворота в Черное море. Там и хмель дешевле, и спрос у всех этих генуэзцев, венецианцев да местных — просто небывалый.

Я засомневался.

— Сомнительно как-то…

— Звонкая монета на это дело есть? — спросил он, прищурившись.

Я с гордостью швырнул на стол тот самый мешочек. Он звякнул весомо. Мужчина присвистнул.

— Сумма немалая. Но я знаю, как раздобыть вдесятеро больше.

Мое сердце екнуло.

— И как же?

Тут он склонился ко мне и понизил голос:

— Слышал ли ты о Троянской войне?

Я расхохотался.

— Конечно, сказки для детей! Ты что, веришь в эти бредни?

— Я — муж ученый, книжник, вообще-то, — с достоинством осадил он меня. — Алексиос Кацарас. И это не бредни. Древние города не исчезают бесследно. Они уходят под землю, скрываются под прахом веков. И легендарная Троя, если верить моим изысканиям, покоится не где-нибудь, а в Троаде. Под холмом, который турки кличут Гисарлык.

И он начал сыпать мудреными словами, рассказывать про толщи земли, ссылаться на древних эллинов. Доводы его казались мне сомнительными, но говорил он так убедительно, с такой горящей верой в глазах, что я принял всё за чистую монету.

— Иван Шестаков, — представился я в ответ и крепко пожал его руку. — Новгородский купец.

— Будем знакомы, Иван, — кивнул Алексиос, и в его глазах блеснула хитрая искорка. — А теперь, если хочешь узреть нечто, что потрясет твой разум… пройдемся? Мне есть что тебе показать.

Мы вышли из таверны, и Алексиос, не говоря ни слова, повел меня к гавани.

С каждым шагом воздух становился все солонее, густея от запахов смолы, рыбы и гниющих водорослей. Наконец, мы вышли к причалу, заставленному самыми разными судами. Мой спутник гордо протянул руку в сторону одного из них.

— Вот он. «Арго». Купил на последние сбережения. Достоин нового Ясона, не находишь?

Передо мной стоял старый, потрепанный торговый когг. Он был не молод, это было видно по стертым бортам и потемневшему от жгучего солнца и соленых ветров дереву. Над его высокой кормой гордо реял один-единственный, уже изрядно выцветший, прямоугольный парус. Судно выглядело как старый, но еще крепкий воин, повидавший виды и готовый к новым подвигам, пусть и без былого блеска.

Я не удержался от кривой усмешки.

— Ясон, говоришь? Ну, сдается мне, тот легендарный герой не был похож ни на тебя, почтенный ученый муж, ни, тем более, на меня.

Алексиос фыркнул, отмахнувшись.

— Сам ты пень трухлявый, новгородец. Смотри лучше на доски, — он похлопал ладонью по обшивке. — Прочная штука. Говорят, в ваших северных лесах знатное дерево рубили. А ведь по древесине, знаешь ли, можно годы считать. Кольца на срезе — что летопись.

Я, ухмыляясь, последовал за ним по шаткому трапу на борт.

— Знаешь, Алексиос, а ты, пожалуй, великий ум, — сказал я, оглядывая просторную, хоть и захламленную палубу.

Мой спутник остановился. Его голос вдруг стал тише и суровей:

— Нет, Иван. Я мыслитель, отвергнутый глупцами. А это, поверь, участь куда более горькая.

Алексиос, все еще ворча что-то про «невежественных северян», толкнул тяжелую дверь в кормовой надстройке, и мы оказались в каюте капитана. Воздух был густым и спертым, несло старым деревом, книжной пылью и какой-то терпкой травой. Каморка была завалена фолиантами, пергаментными свитками, странными приборами из латуни и стекла и кусками диковинных камней и руд, аккуратно разложенными по углам.

Пока Алексиос, расхаживая по каюте, с жаром живописал, как из Каффы — этого места, где сходятся все торговые пути, — мы начнем нашу великую экспедицию и как слава Трои

затмит собой даже мои будущие хмельные успехи… мое внимание привлек большой, окованный железом сундук.

Признаюсь тебе по секрету, друг мой, я почти сразу перестал слушать его ученые речи. Мыслями я был уже в том сундуке. Под шумок его рассказов о древних черепках я приоткрыл тяжелую крышку и начал небрежно рыться внутри, отбрасывая старые карты, пузырьки с засохшими чернилами и обломки какой-то битой глины.

И вот, на самом дне, моя рука наткнулась на нечто твердое и длинное, завернутое в промасленную кожу. Я развернул ее и ахнул. В моих руках лежала медная трубка с толстыми стеклами! Длинная, из черненой латуни, с вычурными гравировками.

— Алексиос! — воскликнул я, прерывая его поток мыслей. — Это что?! Неужели та самая труба, о которой арабские сказки ходят? Говорят, она может корабль за добрый десяток миль разглядеть, да так, будто он в двадцати шагах!

Ученый обернулся и скептически хмыкнул:

— Да, в мире таких линз мало. Выторговал у одного пройдохи в Александрии за бесценок, — он поморщился. — Но оказалось, труба эта не подзорная, а скорее позорная. Стекла кривые, ни черта в нее не видно, одни лишь мутные пятна. Оскандалился я с этой покупкой.

Я, не дослушав, поспешно поднес ее к глазу и начал наводить на все подряд: на потолок каюты, на книгу в руках Алексиоса, на чайку за мутным оконцем. Все плыло и двоилось, но сам факт обладания такой хитрой вещицей будоражил кровь.

— Так о чем это я? — Алексиос вырвал у меня из рук злополучную трубу и отложил ее в сторону. — Так вот, плывем в Каффу. Там ты, на свои дукаты, сможешь снять добрый подвал под варню и начать свое великое дело. А я… я найду там мыслящих людей, ученых мужей, собравшихся со всего света. И на их фоне, под шумок твоих пивных бочек, я смогу, наконец, поведать миру правду о Трое! Ну что, новгородец, ты со мной?

Я посмотрел на его горящие глаза, на эту безумную каюту алхимика, на этот старый «Арго», и мысленно попрощался со своим недолгим покоем в Коринфе. Вся эта затея пахла ничуть не хуже свежего хмеля.

— Плывем, — твердо сказал я. — Плывем в Каффу.

Глава 3 Это сделал не я!

На следующее утро «Арго» со скрипом вывалился из гавани Коринфа и вышел в открытое море. Я в последний раз попытался разглядеть в ту самую «позорную трубу» удаляющийся берег, но узрел лишь мутное зеленоватое пятно. Тогда я с досадой швырнул диковинку обратно в сундук.

На палубе Алексиос стоял, опершись ладонями о борт, и смотрел в расстилающуюся перед нами морскую пустоту.

— О чём задумался, учёный муж? — спросил я, подходя.

— О судьбе, — тихо ответил он. — Неужели мне суждено стать тем, кто откроет миру Трою?.. Или же моим уделом будет скитаться бок о бок с каким-то безумным росом, пока мы оба не сгнием на дне?

Я фыркнул:

— Думать о судьбе — всё равно что гадать на ромашке. В детстве я грезил о сане священника — за что не раз получал от отца посохом по хребту. Потом решил стать купцом, как он, но судьба легла иначе: пришлось податься в ушкуйники. А после того как нас на реке разгромили москвичи, пришлось вновь прикинуться честным торгашом. И пошло-поехало! Думал, вот она, моя стезя. Пока не погорел на том, что подсунул одному ганзейскому ублюдку в тюке с доброй белкой партию гнилых шкур. Этот дотошный немец решил перебрать всё до единого клочка! Добрая слава обо мне и без того дышала на ладан, так что пришлось бежать, не дожидаясь суда. Сперва в Ливонию, а потом и дальше. Вот так я и покинул Новгород.

Скучаю по земле родной, понимаешь? Ах, ничего ты не понимаешь, тебе лишь бы чужую землю завоевать… Но ладно, вернемся к нашему сказу.

Алексиос, видно, почуял мою тоску и сам решил обнажить душу. Рассказал, что первая жена от него сбежала, прихватив всё добро. А вторая, глупая да молодая, просто бросила его ради другого.

— Скажи, Иван, — спросил он вдруг, — а существует ли вообще любовь? Почему мне так не везет в семейной жизни?

Честно? Я не знал, что ему ответить. Последняя моя сердечная зазноба, кажись, была та самая дочка ганзейского купца, когда я еще был юн и глуп да щипал лепестки у ромашек. Но я знал другое. Знавал я крепкую дружбу — а она ведь тоже своего рода любовь. И тогда — да, я любил. Любил сильно, любил многих. Жаль только, всех их я потерял.

Тогда я так ничего и не ответил Алексиосу. Мне было жаль его, но все его вопросы так и повисли в воздухе, оставшись без ответа.

Так, за разговорами о судьбе и её несправедливости, мы потихоньку приближались к Каффе. Плавание заняло месяца два, с остановками в самых разных портах, так что скучать не приходилось.

Каждый день Алексиос старался вложить в меня всё, что знал сам. Он рассказывал о греческих сказках и их истоках, о своей «науке о минувших веках по оставленному ими мусору», которую прочие учёные мужи напрочь высмеивали, вспоминал своего учителя — Вориса Стафилидиса. Признаюсь тебе, мой восточный друг, мало что я запомнил из его мудреных слов. Но одно я зубрил досконально: как управлять «Арго» и не сгинуть в открытом море.

Не скажу, что ученик из меня вышел дюже прилежный, но, как ни крути, своих аргонавтов я привёл туда, куда им было нужно. Буду скучать по этим дням… Но не будем о грустном.

И вот, когда прекрасная Каффа была видна уже и без той позорной трубы, Алексиос позвал меня в каюту. Он на что-то яростно ругался, и вся каморка выглядела так, будто в ней взорвалась турецкая пуш… Ой, прости. В общем, царствовал там изрядный бардак.

Алексиос держался за грудь, у его ног валялся опрокинутый сундук, и он лихорадочно рылся в разбросанных бумагах.

— Иван! — его голос был хриплым и прерывистым. — Где чернила? Видел чернила?

Я спросил, чего он мечется, как таракан тур… Ну, как таракан на турнире, вот. Правильно.

В ответ он схватил меня за грудки и начал трясти, срываясь на крик:

— Чернила, Иван! Мне нужны чернила!

Сказать по правде, я и понятия не имел, куда они подевались. Алексиос вдруг отпустил меня и осел на пол, тяжело прислонившись к стене. Его лицо посерело.

— Мой отец… — прошептал он, судорожно сжимая руку на груди. — У него так же начиналось. Сначала боль, тут… а потом… конец.

Он смотрел на меня умоляющим взглядом, в котором читался невыразимый ужас и отчаянная решимость.

— У меня есть друг, учёный, в Каффе… Он верит моим изысканиям! Верит, что Первый дом ромеев скрыт под землёй! Я должен ему всё передать… Всё, что знаю! Мне нужны чернила, ты должен отдать ему…

Я больше не мог на это смотреть. Не раздумывая, я выхватил из-за пояса свой нож и с силой резнул себя по ладони. Тёплая кровь хлынула ручьём, заливая разбросанные на полу карты.

— Вот тебе чернила!

Алексиос, не говоря ни слова, схватил перо. В этот момент с палубы донёсся отдалённый крик — чей-то громкий, властный оклик.

— Чайка, — глупо пробормотал я, прижимая раненую руку к пергаменту.

Алексиос уже не слушал. Он макнул перо в алое пятно и начал лихорадочно выводить буквы. Получалось, мягко говоря, скверно: знаки плясали, кровавые кляксы растекались по листу. В какой-то миг я заметил, что его почерк, всегда такой чёткий, стал совсем неразборчивым. Перо выпало из ослабевших пальцев. В его глазах погас последний огонёк. И в ту же секунду я понял — я теряю своего учителя.

Глухой удар о борт сотряс судно, послышались тяжёлые шаги и грубые окрики на ломаном итальянском. Это была дозорная галера генуэзцев. Прежде чем я успел хоть что-либо сообразить, тяжелую дверь в каюту с грохотом вышибли, и внутрь ворвалась вооружённая стража.

Картина, открывшаяся им, была воистину ужасна: я, стоящий на коленях с окровавленным ножом в одной руке и истекающей кровью ладонью на другой, а рядом — бездыханное тело Алексиоса, прижимающее к сердцу испещрённый кровавыми письменами свиток.

Глава 4 Лежит на сердце тяжкий груз

Так я и оказался взят под стражу в Каффе. Меня швырнули в сырую каменную нору с решёткой, сквозь которую ветер свистел, словно злой дух. Как зверя, представляешь? Так со мной еще ни разу не обращались — я ведь больше по королевским темницам да купеческим подвалам привык томиться, а тут… просто клеть.

Время тянулось, будто расплавленная смола. Темница моя была не больше собачьей конуры. В углу плескалась лужа, о чьей природе я предпочитал не допытываться, а с потолка, словно слезы самого здания, сочилась влага и мерно падала мне на голову — кап-кап-кап… Настоящая пытка для человека с моим чутким слухом!

Решётка, друг мой, была не просто решёткой. Каждый ее прут был толщиной в мое запястье, а ржавчина на них была столь древней, что, я уверен, помнила еще самого Невского. Сквозь эту благородную старую преграду открывался вид на узенький, вонючий дворик, где местные коты устраивали турниры за право первым сожрать дохлую крысу. Иногда по ночам ко мне в гости наведывались настоящие хозяева клети — тараканы размером с добрый грецкий орех. Я, конечно, человек не гордый, но и не настолько гостеприимный, чтобы делить с ними последнюю корку хлеба, что кидали нам раз на дню.

Кормёжка, надо сказать, была на редкость скудной: хлеб, от которого мои новгородские зубы только грустили, и миска какой-то мутной баланды, в которой плавало нечто, напоминавшее то ли гнилую репу, то ли старую тряпку. Эх, и подумать только, что где-то там, за толстыми стенами, шумит море, пахнет специями и кипит жизнь, а я тут, как лютый зверь, трясу решётку и слушаю, как капает вода.

И вот, день первый. Сидеть сложа руки — не в моих правилах. «Шестаков, — говорю сам себе, — пора действовать!» Осмотрел я свою каменную колыбель вдоль и поперёк. Пол был земляной, сырой, и в одном углу, под соломенной подстилкой, подавал слабые надежды. «Что ж, — решил я, — раз мне не дали пиво варить, буду землю копать! Авось, до самого Катая докопаюсь, они там хмельное ценить должны!»

Приспособил я для дела свою единственную железную миску — ложку-то у меня отобрали, видимо, испугались, что я ею крепость сокрушу. И начал свой великий подкоп. Земля поддавалась туго, попадались корни и камни, но я трудился, как крот, гонимый жаждой свободы и доброго пенного. Работал до седьмого пота, пока силы окончательно не оставили меня, и я свалился в тот же угол, сраженный сном.

Проснулся я от того же назойливого «кап-кап» с потолка. Протер глаза, потянулся… и обомлел. Рядом с моим подкопом, аккуратненько придавленный камушком, лежал смятый клочок пергамента.

Надпись на нем была выведена корявым, но понятным греческим языком:

«Будет копать, мы повесить тебя как шишка дерево».

Я прочел этот образец каффской грамоты раз, другой, и тяжко вздохнул. Моя затея рухнула, не успев родиться. Стало ясно как божий день: выкопаю я яму глубиной по колено, а вздернут меня куда быстрее и выше, чем созревает шишка на кипарисе. Эх, не судьба мне стать кротом… Видно, придётся пораскинуть умом, а не миской.

На следующий день, подкрепившись своим царским пайком — черствой коркой да размышлениями о бренности земного пути, — я решил сменить уловку. Раз грубая сила и тайный подкоп не проходят, значит, надо пустить в ход самое верное средство — жажду наживы!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.